

в виде лишения свободы в среднем на 12%. Такое количество людей согласно статистическим данным в среднем ежегодно приговаривается к лишению свободы из-за совершения преступлений небольшой тяжести.

Принимая во внимание также приведенные здесь другие факторы, очевидно, что уголовное законодательство ДНР претерпит глубокие важные изменения.

Список использованных источников

1. Состояние преступности: статистические данные // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://мвд.рф/reports>. – Текст: электронный.

2. Костенко, Г.В. Дифференциация уголовной ответственности // Дифференциация уголовной ответственности как отдельный институт в уголовном праве. – С. 1-2. – Текст: непосредственный.

3. Кругликов, Л.Л., Васильевский, А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Дифференциация уголовной ответственности как отдельный институт в уголовном праве. – С. 62. – Текст: непосредственный.

4. Магомедов, А.А. Проблемы индивидуализации уголовной ответственности в советском уголовном законе // Актуальные проблемы советского уголовного права и криминологии. – Москва, 1988. Деп. ИНИОН. – № 34623. – С. 55. – Текст: непосредственный.

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ДОКАЗЫВАНИЕ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ
СЛЕДСТВИИ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ**

*Арман И.С.,
Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики*

Основой процессуальной деятельности следственных органов, без которой ни в коем случае невозможны расследование соответствующего дела и его рассмотрение по существу, является установление фактических обстоятельств уголовного дела, т.е. выяснение того, что произошло в реальной действительности. На разных этапах судебного производства это важно для всех

стадий уголовного процесса, но особенно – для последственной проверки и предварительного расследования.

Основываясь на том, что стадия предварительного расследования следует за возбуждением уголовного дела, установление деятельности по собиранию доказательств в установленном уголовно-процессуальном порядке имеет первостепенное значение. Результаты собирания доказательств служат основанием принятия решения, а законность, достоверность и обоснованность должны соблюдаться на всех этапах хода расследования. Его первоначальный момент – принятие дела к производству, впрочем, срок предварительного расследования начинается с момента возбуждения уголовного дела, т.е. с момента окончания предшествующей стадии. Обе стадии образуют досудебное производство [1]. Как бы не называлась эта часть уголовного процесса, с тех самых времен, когда произошло принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 года появилось множество недовольных, начиная от теоретиков и заканчивая практиками. Все вместе они сходились в том, что досудебное производство – наиболее неэффективная и менее всего организованная часть уголовно-процессуальной деятельности, состоящая из элементов, которые являются ненадежными так как построена она при отсутствии научных основ функциональных систем.

Установление истины следователем по уголовному делу, находящемуся у него в производстве, осуществляется посредством доказывания. Суть доказывания сводится к собиранию, проверке и оценке доказательств – установлению объективной истины. Исходя из того, что целью доказывания будет установление всех обстоятельств уголовного дела, институту предмета доказывания в свойственной ему манере будет позволено ответить на вопрос, о каких именно обстоятельствах будет идти речь. Другими словами, доказыванию по уголовному делу подвластны обстоятельства, которые входят в предмет доказывания. Исходя из данного понятия, «обстоятельства, подлежащие доказыванию» и «предмет доказывания» будут по своему пониманию и применению в процессуальном смысле синонимами. Различия между этими понятиями будут заключаться лишь в том, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, отражены в законодательстве, а предмет доказывания находится лишь в доктринальной плоскости теории доказательств, то есть, представляют научное выражением соответствующей нормативной конструкции. В своей совокупности, невзирая на то, что учение о предмете доказывания формируется в теории продолжительный период, нормативное опредмечивание этот институт получил только в УПК РСФСР 1960 г. [2], где в ходе кропотливой работы и анализа многочисленных постулатов родилась норма об обстоятельствах,

подлежащих доказыванию, которая сохранилась фактически в первоизданном, лишь в незначительно уточненном виде в УПК ДНР (гл. 5 ст. 71) [3].

Предмет доказывания как институт уголовно-процессуального права имеет главенствующее значение. Этот институт дает возможность ответить на два основных вопроса:

- 1) какие обстоятельства, по любому уголовному делу подлежат установлению;
- 2) какие обстоятельства при производстве по уголовному делу разрешено доказывать.

Учение о достаточности доказательств как оценки совокупности имеющихся в деле доказательств неминуемо подталкивает нас к необходимости анализа каждого отдельного элемента этой совокупности, то есть, отдельно взятого доказательства. Совокупность логической цепочки любой процессуальной системы базируется на том, что далеко не всякая информация, возможно даже и представляющая несомненную гносеологическую ценность, будет считаться доказательством в устоявшемся юридическом смысле этого понятия. В обратном случае не имела бы смысла правовая регламентация процесса доказывания, не упоминая уже о той угрозе правам личности, что возникала бы при отождествлении с доказательством любой информации, независимо от источника ее происхождения. Вследствие этого, взяв всю совокупность фактов, вопрос о понятии доказательства – это главный и по нахождению в поле зрения первый вопрос, возникающий при попытках понять, какие, все же, сведения должны содержаться в уголовном деле, для того чтобы в своей совокупности быть достаточными и обладать всей обоснованностью для его разрешения.

Следует признать, что проблема понятия доказательства – та самая глыба, которая является довольно тяжелой для разрешения и имеет явно выраженный доктринальный характер, разрабатываясь в главенствующей основе правовой теорией. В классическом правоведении линия анализа, как правило, направлена на противопоставление полицейских и судебных доказательств [4].

При данном подходе информация становится доказательством при ее судебной легитимации, т.е. когда она собрана, принята, и допущена судом непосредственно в сам процесс и т.п., причем, возможно, даже не тем судом, который разрешает дело по существу, но и различного рода следственно-судебными органами, например, следственными судьями, ведущими предварительное следствие, (французская система) или судебными следователями (в дореволюционной России). Ничто иное, как специфическая природа судебной власти, придающая ей уникальные качества (независимость,

компетентность, конституционно-правовой статус и т.п.), является той «магической вещью», что превращает простую информацию в судебное доказательство. В такой ситуации информация, собранная органами предварительного расследования, подобными качествами не обладает и остается на более низменной ступени процессуальной иерархии, часто даже считаясь в качестве «заурядных сведений», которые, конечно, могут использоваться в уголовном процессе (при решении вопроса об уголовном преследовании, о его прекращении, о производстве отдельных действий и т.п.), но в более узких возможностях применения и, главное, не в связи с разрешением уголовного дела по существу. При всем этом для устоявшихся норм в мерках континентальных традиций, где главную роль всегда играла концептуальная надстройка в виде предварительного расследования, важным в плане формирования теории доказательств будет выступать судебный характер классического предварительного следствия, в котором все производство возлагалось на следователей, имеющих статус судьи (следственный судья, судебный следователь и т.п.). Такой подход позволил примирить две по своей форме малосовместимые процессуальные конструкции – предварительного следствия и судебных доказательств, ввиду того, что доказательства, полученные в ходе предварительного следствия, становились судебными, то есть, не менее достаточными и полноценными, чем доказательства, которые уже были получены в суде.

Советская доказательственная доктрина, встретившись с тем, что предварительное расследование, сохранив всю свою процессуальную инфраструктуру, ориентируемую на собирание полноценных доказательств (институт следственных действий и т.п.), потеряла судебный характер, будучи возложена на органы расследования, которые более не принадлежат судебному ведомству. Соответственно, проблема соотношения и понятия доказательства (т.е. процессуально полноценной информации, пригодной для разрешения дела) больше не могла решаться через противопоставление полицейских и судебных доказательств. В ином случае информация, собранная следователем путем производства сложных и сопряженных с обеспечением гарантий прав личности следственных действий, более не имела бы доказательственного значения (для чего тогда нужно предварительное следствие?). Ключ к разрешению данного спора был найден в сопровождавшихся широкими научными дискуссиями попытках найти автономное понятие уголовно-процессуального доказательства, которое в дальнейшем не имело бы необходимости в обязательной судебной составляющей, но, как и ранее, продолжало рассматриваться как процессуально абсолютно полноценное. Для этого доказательство, остающееся

процессуальным, но уже переставшее быть непременно судебным, требовалось отделить на понятийном уровне как от «заурядной» информации, не имеющей под собой процессуального значения, так и от информации оперативно-розыскной.

В ходе продолжительных дебатов с различных сторон данное понятие было определено к концу 1950-х годов стараниями ряда советских процессуалистов (М.С. Строгович, В.Я. Дорохов и др.), через определенное время став для отечественной теории доказательств классическим. Именно это понятие было вложено в структурную основу подходящих положений не только УПК РСФСР 1960 г., но и действующего УПК ДНР. Пределами доказывания было установлено, как совокупность доказательств необходимая для полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств – предмет доказывания. Установление данных обстоятельств является основанием для окончания предварительного следствия следователем и составления обвинительного заключения.

Исходя из вышеперечисленных фактов, которые были приведены в ходе рассмотрения данной проблематики для разрешения вопроса о соотношении доказательства и доказывания на предварительной стадии, можно подвести заключительный итог. Предварительная стадия прочно взаимосвязана как первоначальная процедура для дальнейшего возбуждения и разрешения уголовного дела. Любое имеющееся на первоначальной стадии расследования доказательство должно быть рассмотрено и оценено следователем на соответствие правильности отражения действительных данных преступления. В свою очередь, соотношение понятий дает возможность регулировать процессы получения, и также разграничения доказательства и доказывания по своей сущности. Исторические аспекты развития предоставляют на основе прошлых исследований ученых возможность доработать и применить в будущем весь потенциал данных, которые накопились и применялись в ходе целостного развития стадии предварительного следствия, это в свою очередь открывает новые возможности для более подробного понимания и применения в практической и исследовательской деятельности данных понятий на поставленной стадии.

Список использованных источников

1. Сереброва, С.П. Проблема рационализации досудебного производства. – Новгород, 1995. – Текст: непосредственный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. // Сайт: Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/3975161/> (дата обращения: 25.09.2020). – Текст: электронный.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики № 240-ІНС от 24.08.2018 // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnayadeyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovnoprotsessu-alnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 30.09.2020). – Текст: электронный.

4. Белкин, А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. – Москва: Издательство НОРМА, 1999. – 429 с. – Текст: непосредственный.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Корчик В.В.,

*Донецкая академия внутренних дел
Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики*

Право на неприкосновенность частной жизни – это сложный по составу, структуре и системе отношений правовой институт, состоящий из отдельных правомочий человека и гражданина. В силу постоянного, активного развития форм и принципов общественных отношений в этой сфере перечень таких правомочий, закреплённый в законах и международных нормативных правовых актах, не является исчерпывающим.

В ч. 1 ст. 3 Закона Донецкой Народной Республики «О персональных данных» дано определение термину: «Персональные данные – это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Ч. 1 ст. 2 Закона Донецкой Народной Республики «Об информации и информационных технологиях» разъясняет, что «информация – это сведения (сообщения, данные), полученные независимо от формы их предоставления...». Согласно ч. 1 ст. 2 Закона Донецкой Народной Республики «О средствах массовой информации», «массовая информация – это предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудио-визуальные и иные сообщения и материалы» [1]. К